

шОМТДА

Н.В.Панкевич

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МД-275.2009.6.

Феномен коррупции год от года привлекает все большее внимание как политического истеблишмента, так и широкой общественности. На коррупционные практики возлагают ответственность за недостаточные темпы экономического роста, за дисбалансы в распределении общественных благ и в конечном счете за делегитимацию социально-политических режимов на всех уровнях государственного управления. Задача искоренения подобных практик — интегральная часть политических программ партий и движений самого разного толка. Либералы и консерваторы, радикалы и центристы, экологи и поборники прав меньшинств с равным усердием призывают к борьбе с этим социальным злом. Однако, несмотря на многолетние усилия объединенных «конструктивных сил», коррупция не только не сдает своих позиций, но и продолжает наращивать обороты.

**Глобальная
коррупция:
парадоксы
мирового
развития**

² *Corruption Perceptions Index 2008.*

Страны, добившиеся успеха в разрешении проблемы коррупции, представляют скорее счастливое исключение на фоне государств, продолжающих оставаться коррумпированными или демонстрирующих минимальные сдвиги к лучшему. Индекс восприятия коррупции (ИВК), ежегодно публикуемый Transparency International², свидетельствует о том, что большинство стран мира находится в группе высокого и очень высокого риска. Именно в таких странах проживает подавляющая часть населения Земли.

³ *International Monetary Fund 2008.*

Коррупция имеет отчетливо выраженные экономические последствия. В странах, считающихся коррупционно безопасными (более 8 баллов в рейтинге ИВК), средний уровень производства ВВП на душу населения по показателю паритета покупательной способности (ППС) в 8,7 раза выше, чем в странах с высоким уровнем коррупции (3 балла и ниже). И если из 20 стран с наиболее эффективной экономикой (свыше 3 тыс. долл. на душу населения *в месяц* по ППС) 17 являются коррупционно безопасными, то все беднейшие страны (менее 1 тыс. долл. на душу населения *в год*) отличаются высокими коррупционными издержками, а многие из них (71%) относятся к числу самых коррумпированных в мире³.

Высокий уровень коррупции является одним из факторов, препятствующих вступлению отстающих стран на путь устойчивого развития. Ни для кого не секрет, что многие из этих стран зависят от экономической и гуманитарной поддержки со стороны мирового сообщества.

⁴ Alesina, Weder 2002: 1126—1137.

Но, как показывают эмпирические исследования, такого рода внешняя помощь почти не доходит до реального сектора экономики и нуждающихся слоев населения, а лишь усиливает коррупционные режимы⁴. Использование преимуществ, связанных со служебным положением, в подобных странах не просто распространенный стереотип поведения должностных лиц, но зачастую и единственно возможный способ ведения дел. В итоге значительная часть выделяемых мировым сообществом средств присваивается коррупционными синдикатами, контролирующими определенное территориальное и правовое пространство, которые видят в ней свою законную ренту.

⁵ См. Бляхер 2008.

Как убедительно показывает Л.Бляхер, в большинстве регионов так называемого «третьего мира» сложились не столько государства, сколько их имитации, призванные обеспечить традиционным обществам доступ к циркулирующим на глобальном уровне ресурсным потокам, ибо, чтобы «использовать наличные ресурсы глобальных экономико-политических сетей... традиционное статусное общество должно было стать государством среди государств с набором обязательных для него элементов и, желательно, демократической атрибутикой»⁵. Но поскольку имитировать государство, функционирующее в той же логике, что и остальной мир, нужно было лишь применительно к мировому сообществу, его появление практически никак не отразилось на внутренней жизни соответствующих стран. Как следствие, ресурсы, «перекачиваемые» в эти страны из глобальной экономики, распределяются главным образом среди правящей верхушки, и результатом такой «перекачки» оказывается не развитие страны, а усиление коррупции.

⁶ International Monetary Fund 2008.

Однако проблема этим не исчерпывается. Будучи высокоэффективными, экономики коррупционно чистых стран вместе с тем не относятся к числу наиболее значимых в мире. В 2008 г. десять стран с минимальным уровнем коррупционных рисков в совокупности производили только 6,1% мирового ВВП⁶.

В то же время шесть ведущих экономик мира, производящих более половины мирового ВВП, не могут похвастаться высокими позициями в рейтинге ИВК. Ни один из действительных лидеров мировой экономики не попал в первую десятку коррупционно чистых стран. В наименьшей степени «заражена» коррупцией Германия, занимающая 14-е место в рейтинге ИВК. США и Япония делят 18-е место. Что касается трех оставшихся государств, то по отношению к ним трудно говорить даже о приближении к статусу коррупционно безопасных: Китай — 72-е, Индия — 85-е, Россия — 147-е место (из 180-и).

Не менее важно и то, что, вопреки распространенному мнению о негативном влиянии коррупции на развитие экономики, целый ряд государств, квалифицируемых экспертами как коррупционно неблагополучные, демонстрируют в последние годы необычайно высокие темпы экономического роста. Так, к моменту начала глобального финансово-экономического кризиса темпы роста в Катаре, Анголе и Азербайджане составляли более 15%, в Туркменистане и Армении — 10%, в Демокра-

⁷ *Ibidem.* тической Республике Конго, Уганде, Белоруссии и некоторых других странах, замыкающих рейтинг ИВК, — около 9%⁷. Ссылки на эффект «низкого старта» (в большинстве упомянутых стран экономики начали свой рост практически с нуля) объясняют сложившуюся ситуацию лишь отчасти, ведь ускоренные темпы роста наблюдаются и в коррупционно неблагополучных странах, не относящихся к аутсайдерам мирового развития, в том числе в России, Индии и Китае (7, 7 и 9% соответственно).

Последние три страны все чаще оцениваются экспертным сообществом и как наиболее перспективные в инвестиционном плане. Согласно данным компании «Эрнст энд Янг», к 2007 г. китайская и индийская экономики вышли на позиции прямой инвестиционной конкуренции с Европой, а в 2008 г. Китай опередил ее по степени инвестиционной привлекательности. Сдвиг инвестиционных потоков в направлении относительно менее коррупционно безопасных центральных и восточных регионов отчетливо просматривается и в самой Европе⁸.

⁸ <http://www.ey.com/RU/ru/Newsroom/News-releases>.

В свою очередь, коррупционно чистые страны вызывают все меньший интерес у внешних инвесторов. Несмотря на благоприятные условия для ведения бизнеса, они играют весьма незначительную роль в процессе агрегации рынков, который набирает обороты в глобальном масштабе. Крайне низкими темпами растет и их экономика: например, в Дании, Швеции и Новой Зеландии накануне глобального кризиса экономический рост не превышал 1%.

На практике это означает, что основная часть ресурсов глобальной экономики так или иначе циркулирует в условиях повышенных коррупционных рисков. В процессе лобовой конкуренции с Европой, где сконцентрировано большинство коррупционно безопасных стран, регионы с доказанными высокими рисками настойчиво набирают очки. Наличие емкого внутреннего рынка и дешевой рабочей силы, быстрая окупаемость вложенных средств все заметнее превращаются в факторы, заменяющие или даже перевешивающие административную предсказуемость и стабильность.

Более того, бизнес с удивительной легкостью подстраивается под административно-политическую среду, в которой ему приходится действовать. Коррупционное корпоративное поведение, невозможное в Европе, становится вполне рутинным в отношении третьих стран, а затем переносится на сферу коммуникации с институтами управления «цивилизованного» мира. Распространение и усвоение корпорациями подобного опыта позволяет говорить о негативной конвергенции коррупционных и некоррупционных систем⁹.

⁹ *Олейник 2007: 28—46.*

Сегодня идет на десятки счет европейским компаниям, замешанным в коррупционных скандалах на территории иных государств (в Китае, Лесото, Анголе, Камбодже и др.). Примечательно, что на протяжении долгого времени большинство национальных систем было склонно смотреть сквозь пальцы на коррупционную деятельность своих

компаний за рубежом. Выступить на законодательном уровне против такого рода деятельности решились лишь США, принявшие в 1977 г. Foreign Corrupt Practices Act, и Швеция, включившая в 1978 г. в свой уголовный кодекс специальную статью. На рубеже XX—XXI вв. ситуация начала меняться¹⁰. В 1996 г. была подписана Межамериканская конвенция против коррупции, в 1997 г. — Конвенция ОЭСР о борьбе с взяточничеством иностранных должностных лиц в международных деловых сделках (вступила в силу в 1999 г.), в 1999 г. — Конвенции Совета Европы об уголовной и гражданско-правовой ответственности за коррупцию, в 2003 г. — Конвенция ООН против коррупции. Однако принятие этих документов существенно меньше отразилось на коррупционном поведении транснациональных корпораций, чем ожидалось¹¹.

¹⁰ Cragg, Woof 2001: 180—213.

¹¹ http://www.transparency.org.ru/CENTEDOC/BPI/BPI_2002_press_release.doc.

Так или иначе, развертывающиеся сегодня процессы свидетельствуют о том, что в случае прямой конкуренции с коррупционными системами свободные от коррупции страны оказываются далеко не в столь выигрышном положении, как это было принято считать еще недавно. Благодаря своему колоссальному объему коррупционные практики все в большей мере определяют характер взаимодействия между экономическими структурами и государствами как публичными корпорациями. Те же тенденции просматриваются на международном и субнациональном уровнях.

Вопреки очевидному негативному воздействию на экономическое и социальное развитие в долгосрочной перспективе, коррупция встречает толерантное отношение не только со стороны элитарных групп, извлекающих из нее прямую выгоду, но и со стороны населения, несущего на себе бремя коррупционных издержек. Победа С.Берлускони на парламентских выборах 2008 г. в Италии, 70-летнее доминирование Институционально-революционной партии в Мексике, электоральные успехи Индийского национального конгресса показывают, что избиратели могут на протяжении многих лет поддерживать коррумпированных политиков даже при наличии информации об их коррупционных действиях. При этом граждане не просто не отказывают в доверии коррупционным режимам, но и соучаствуют в коррупционных практиках¹².

¹² Kurer 2001: 63—86.

**Пространство
коррупционной
патологии
в производстве
и распределении
общественных
благ**

Рассмотренные выше тенденции заставляют предположить, что коррупция есть нечто гораздо более сложное, нежели обычное чиновничье злоупотребление, оппортунистическое поведение должностного лица, использующего служебное положение для манипулирования общественными и государственными ресурсами в целях получения личной выгоды. Масштабы ее распространения зависят от более широкого социального, политического и административного контекста. При отсутствии адекватных и легитимных каналов представительства интересов граждан и неверии членов социума в способность государства быть

действительным выразителем общего интереса коррупционное поведение может стать рациональным выбором общества.

Более того, в основе самого представления о коррупции лежит определенная ценностно и идеологически обусловленная модель взаимодействия власти, бизнеса и общества. Вычленение коррупции как особого феномена возможно только в контексте ответа на вопрос о соотношении сфер политики и экономики и их роли в регулировании социальных процессов.

Основной формой политического устройства сегодня считается демократия, а структурирование экономических отношений происходит в формате рынка (капитализма). Это те измерения, в которых привыкли концептуализировать себя современные политические системы. При этом предполагается, что обе сферы институционально автономны: экономическое доминирование не должно автоматически вести к захвату политической власти, а политическая власть не должна претендовать на установление монополии в отношении собственности. Точкой пересечения данных сфер выступает государственно-административная система, а коррупция есть следствие дисбаланса между ними. Именно положение страны на координатной сетке политической и рыночной конкуренции определяет степень ее подверженности коррупционным импульсам: чем выше реальная институциональная конкуренция в обеих сферах, тем ниже коррупция.

Важно учесть, что и концепция рынка, и концепция демократии строятся на одной и той же презумпции: человеческие отношения всегда конкурентны. Однако формы протекания и способы регулирования конкурентных процессов, а также их легитимные результаты в рамках указанных концепций принципиально различны.

Концепция демократии предполагает равный доступ всех участников политической конкуренции к распределению благ, производимых социумом коллективно или в общественных целях. Возможностью влиять на распределительные процессы в государственной и общественной системе обладают как находящиеся у власти, так и пребывающие в оппозиции. Поэтому единственным легитимным результатом политической конкуренции становится реализация общественного интереса, выработка социально одобренного формата распределения общественных благ. В этом смысле демократия может рассматриваться как механизм распределения ресурсов, обеспечивающий реализацию эгалитарных принципов в процессе потребления. Демократическая конкуренция, в ходе которой равные в правовом и процессуальном отношении игроки могут эффективно следить за соблюдением установленных правил, вытесняет из государственного и общественного администрирования монополистические элементы, которые, собственно, и порождают коррупционные практики.

Это означает, что идеал упорядоченной демократической конкуренции противоположен рынку, где равенство отменено установкой на эффективность и максимизацию индивидуальной полезности и где

потребление благ носит исключительно частный характер. Рыночная конкуренция имеет своей целью не достижение всеобщего блага, но накопление ресурсов индивидуальными игроками. Легитимным ее результатом является получение личной выгоды.

Феномен коррупции (равно как и отношение к нему со стороны элит и населения) отчетливым образом выявляет это противоречие между основополагающими принципами демократии и рынка. Если мы внимательно присмотримся к коррупционно безопасным системам, то обнаружим, что во всех этих системах существует как развитый рынок, так и конкурентная политическая среда, реализующая общественные интересы, причем обе сферы сохраняют свою институциональную автономию, а взаимодействие их представителей процессуально независимо от участников. Нарушение институциональной автономии любой из этих двух сфер, исчезновение в них элемента конкурентности, а также распространение принципов функционирования одной сферы на другую неизбежно ведут к возрастанию коррупционных рисков.

В случае серьезного перекоса в сторону политических структур рынок перестает обеспечивать производство необходимых для общества благ, и разрастающаяся государственная машина начинает эксплуатировать эффекты дефицита. Формируется коррупционная система, основанная на монополии, при которой государство захватывает рынок и постепенно уничтожает его. Классическим примером подобного дисбаланса была советская система с ее плановой экономикой, неспособной адекватно реагировать на спрос, и государством, присвоившим себе функции регулятора не только общественного, но и частного потребления. В результате доступ к потребительским благам стал определяться социальным статусом человека, и граждане, не попадавшие в состав привилегированных групп, были вынуждены решать свои проблемы коррупционными методами. По сходному сценарию развиваются сегодня и многие беднейшие страны. В такой ситуации преодоление коррупции возможно только при децентрализации производства благ и утверждении рыночных механизмов доступа к ним.

Не меньшими опасностями чревато и распространение на государство рыночной логики. И дело здесь не только в том, что при таком повороте событий рыночные субъекты будут пытаться закрепить за собой доступ к системе распределения общественных благ с целью извлечения частных выгод. Важнее другое: в социуме, где доминируют индивидуалистические ценности рынка, чиновники неизбежно начинают рассматривать свои должности как рыночный ресурс, который можно — и должно — использовать в личных интересах.

В этих условиях ни о какой нетерпимости к коррупционным практикам не может идти и речи. Из порицаемого и нелегитимного поведения государственных служащих они превращаются в часть рутинно действующей системы, которая в полном соответствии с рыночной логикой систематично и неуклонно выбрасывает за свои пределы «неэффективных», то есть тех, кто проявляет излишнюю щепетильность при

выборе средств достижения индивидуальных целей. Участниками рыночного взаимодействия становятся как экономические, так и государственные структуры. Чиновники получают возможность распродавать общественный ресурс, а экономические агенты — выставлять на политический аукцион собственные активы, добиваясь наиболее выгодных для себя условий ведения бизнеса.

Прорастанию логики бизнеса в сферу политики способствуют процессы глобализации, влекущие за собой стремительное размывание этики функционирования публичных структур. На наших глазах происходит радикальная смена модели взаимодействия между корпоративным капиталом и правительствами. Сегодня уже не корпорации несут расходы по проникновению на новые рынки, а регионы соревнуются за возможность служить рынками для корпораций. *Из пространства конкурирующих корпораций мировая экономическая система превращается в пространство конкурирующих бюрократий.* Экономические потоки становятся все более мобильными, бизнес быстро меняет свою локализацию, рынки глобализируются. В результате административные элиты национального, регионального и муниципального уровня оказываются вынуждены бороться за привлечение бизнеса и удержание его на своей территории, тем самым неизбежно втягиваясь в конкурентный процесс рыночного формата.

По сути своей процесс этот чрезвычайно близок к коррупционному, поскольку в его основе лежит извлечение ренты от накопленных ресурсов в ущерб остальной части социума. Их сходство особенно бросается в глаза, когда в конкурентную борьбу в качестве самостоятельных игроков включаются субнациональные единицы — регионы и отдельные города. Критерием эффективности их администраций становится способность агрегировать максимальный ресурс, используя его в интересах узких территориальных корпораций, которые фактически превращаются в клиентелы.

При этом у данного процесса имеется и чисто коррупционная составляющая. Не случайно при его описании все чаще употребляется термин «геовзятка», обозначающий те льготы, которые предоставляются бизнесу региональными властями, стремящимися локализовать его активность на своей территории. Как предложение «взятки» можно квалифицировать, например, действия администрации Нью-Йорка в 2002 г., когда зашла речь о возможности переноса главной фондовой биржи США в Нью-Джерси¹³. И мировой счет подобным случаям идет уже на тысячи¹⁴.

Именно поэтому наименее коррупционными оказываются те страны, которые в наименьшей степени участвуют в гонке за привлечение бизнеса. Логика рыночной конкуренции противопоказана государству. Однако государственные структуры стран с быстро растущей экономикой все более активно интегрируют в свою деятельность рыночные парадигмы.

¹³ Подробнее см. Брыль 2002.

¹⁴ См. Tulder, Zwart 2006.

Примечательно, что рыночная активность публичных структур пользуется общественной симпатией и не вызывает особых опасений. Более того, ей придаются определенные ценностные смыслы. В условиях глобализации органы государственного и муниципального управления оказываются перед сложной проблемой: чтобы выполнять свои функции по отношению к территориально оформленным социальным общностям, они должны действовать как рыночные силы за их пределами. Только совмещение этих двух несовместимых логик позволяет им быть эффективными. Фактически их задача сводится к тому, чтобы, интегрировавшись в мировые ресурсные потоки, поставить часть этих потоков под контроль определенного территориального сообщества, члены которого несут схожие риски и имеют схожие потребности¹⁵.

¹⁵ Ferrera 2009: 220.

В этой ситуации едва ли приходится удивляться тому, что государство-корпорация часто рассматривается в качестве наиболее вероятного преемника суверенного национального государства¹⁶. Усвоение государством рыночной логики трактуется как проявление креативного мышления. И такое положение вещей не просто создает условия для процветания коррупции, но и легитимирует их. Рассуждая о «рынке коррупции», политики и политологи постепенно забывают о том, что государство не может и не должно жить в логике рынка.

¹⁶ См. Маркарян 2000; Пономарева 2007.

Возрастающее влияние рынка, сопутствующее включению стран в глобальную конкуренцию, усиливает коррупционные импульсы. В результате слияния механизмов рынка и государственного управления складывается особая система, при которой бизнес и власть обмениваются ресурсами вне общественного контроля. Их коррупционное взаимодействие носит циклический характер, и нельзя сказать, какая сторона является донором, а какая — реципиентом. По сути дела речь идет о формировании преступного картеля, регулярно изымающего общественные ресурсы и пускающего их в частный оборот.

Но раз так, то для преодоления коррупции прежде всего требуется устранить из деятельности государственных структур саму логику рынка. Каждая сфера должна регулироваться собственными ценностями и механизмами. Без четкого институционального размежевания между рынком и демократическим государством нельзя достичь коррупционной безопасности.

Российская специфика

Тенденция к стиранию различий между государственными и рыночными структурами отчетливо прослеживается и в России, однако в условиях нашей страны она принимает не вполне обычные формы.

Дело в том, что слияние сфер экономики и политики у нас сопровождается постепенным свертыванием конкуренции — как политической, так и рыночной. Основой отечественной экономики становятся сверхкрупные компании, генетически связанные с государственными органами (госкорпорации, акционерные общества с высокой долей го-

сударственного капитала и т.п.) и интенсивно обменивающиеся с ними кадрами. Подобная «кадровая мобильность» не только способствует укреплению организационных связей между этими структурами, но и приводит к формированию устойчивых сетей личного взаимодействия, повышению уровня доверительности, тем самым открывая таким компаниям преимущественный доступ к системе государственных заказов, контрактов и т.д.

Фактическое сращивание государства с крупными корпорациями чрезвычайно затрудняет деятельность малых и средних компаний, возможности роста которых оказываются напрямую связаны не столько с рыночной эффективностью, сколько с подключением к общественным системам распределения, по сути монополизированным привилегированными игроками. Для компаний такого уровня коррупционные практики не снижают, а, напротив, неизмеримо повышают производственные издержки. Это ведет не просто к вытеснению малого и среднего бизнеса, но и к свертыванию рынка как такового, складыванию вертикально интегрированных монополий или олигополий.

Одним из следствий слияния экономической и административной сфер в его российской версии является централизация ресурсных потоков, резкое увеличение доли ресурсов, циркулирующих по государственным каналам. Этот процесс порождает два значимых эффекта. Во-первых, государство превращается в наиболее интересный для частных структур объект приложения усилий (свободный рынок в России существенно уступает государству по объему циркулирующих ресурсов). Во-вторых, что еще важнее, возникают серьезные стимулы для развития административного торга между отдельными органами и уровнями управления за приоритетный доступ к средствам государственного бюджета и внебюджетных фондов. Начинается интенсивная конкуренция внутри самой государственной системы, вынуждающая одних чиновников вступать в коррупционные отношения с другими. Не поощряя функционирование законов рынка в непосредственно рыночном пространстве, российское государство воссоздает рыночную конкуренцию в собственных замкнутых структурах, само становится рынком.

Уже сегодня должностные лица в России могут рассматриваться как особый класс предпринимателей, конвертирующих свое служебное положение и статус во вполне ощутимые блага. Коррупция охватывает практически все области жизни, где присутствует государственная и муниципальная власть. Чиновники принимают решения, исходя из соображений личной выгоды. Судьи выносят приговоры, не основанные на законе. Врачи муниципальных клиник отказывают в лечении больным с «тощим кошельком». И т.д. и т.п.

Утверждение такого рода практик вызывает симметричную реакцию в самом обществе. Граждане начинают относиться к органам управления инструментально, как к источнику частных благ. И поскольку доступ к этим благам неизбежно носит конкурентный характер, люди

ждут от чиновников уже не строгого выполнения предписаний закона, а «вхождения в положение», «учета особых обстоятельств», помощи «своим» и т.д. Подобное общество будет сохранять толерантность к коррупции, воспринимая ее не столько как патологию, сколько как один из элементов системы распределения общественных ресурсов.

Распространение рыночной конкуренции на публичную сферу сопровождается свертыванием конкуренции политической, призванной обеспечивать участие различных сегментов общества в формировании государственных структур и контроле над административным процессом. В итоге большинство социальных групп, в том числе массовых, лишается каналов представительства своих интересов. Но когда представительство интересов невозможно через сеть прозрачных взаимодействий, единственно рациональной стратегией становится стратегия непубличных контактов с органами власти и лицами, принимающими решения.

В этих условиях большинство мер, которые обычно используются для предотвращения коррупции, не достигают цели. Можно сколько угодно усложнять процедуры принятия решения и отчетность — в большинстве случаев это ведет лишь к удорожанию административного процесса и временным потерям при осуществлении управленческих функций, никак не влияя на собственно коррупционные практики.

Чтобы антикоррупционные мероприятия увенчались успехом, участие государства в регулировании экономических и социальных процессов должно вернуться в разумные границы. Необходимо поддерживать конкуренцию в производстве товаров и услуг, исключаящую возможность эксплуатации эффектов дефицита или монополии. Остро нуждается в децентрализации, в частности, рынок коммунальных, медицинских и образовательных услуг, в настоящее время почти полностью контролируемый либо самими административными структурами, либо аффилированными с ними организациями.

Следует существенно сократить ту сферу, где решения о выборе поставщика услуг принимаются должностными лицами: граждане должны сами выбирать банк, через который им будет перечисляться заработная плата, компанию, осуществляющую обязательное медицинское страхование. То же самое относится и к выбору поставщиков коммунальных услуг. Децентрализация рынков автоматически сведет на нет значительную часть коррупционных практик: в отсутствие монополии и дефицита предложения потребителям незачем подкупать лиц, ведающих распределением благ.

Но главное условие снижения коррупционных рисков — это возрождение демократической состязательности в политическом процессе, открывающей легальные каналы представительства разнообразных интересов, повышающей прозрачность административных структур и ставящей их деятельность под общественный контроль.

Библиография

- Бляхер** Л.Е. 2008. Архаические механизмы легитимации власти в России, или Очерки об истоках ностальгического сознания // *Полития*. № 3.
- Брыль** Р. 2002. Нью-Йоркская биржа покидает Уолл-Стрит // *ИнвестГазета*. № 32.
- Маркарян** К.В. 2000. Государство-корпорация как «третий путь» для России XXI века // *Философия хозяйства*. № 3.
- Олейник** А.Н. 2007. Эрозия демократии в России и на Западе в свете гипотезы о негативной конвергенции // *Общественные науки и современность*. № 2.
- Пономарева** Е. 2007. Суверенитет в условиях глобализации // *Свободная мысль*. № 11.
- Alesina** A., Weder B. 2002. Do Corrupt Governments Receive Less Foreign Aid? // *American Economic Review*. Vol. 92. № 4.
- Corruption Perceptions Index** (http://www.icgg.org/corruption.cpi_2008.html).
- Cragg** W., Woof W. 2001. Legislation against Corruption in International Markets // Jain A. (ed.) *The Political Economy of Corruption*. — L.
- Ferrera** M. 2009. National Welfare States and European Integration: In Search of a «Virtuous Nesting» // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 47. № 2.
- International Monetary Fund**. *World Economic and Financial Surveys. World Economic Outlook Database* (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2008/02/weodata/index.aspx>).
- Kurer** O. 2001. Why Do Voters Support Corrupt Politicians? // Jain A. (ed.) *The Political Economy of Corruption*. — L.
- Tulder** R. van, Zwart A. van der. 2006. *International Business-Society Management. Linking Corporate Responsibility and Globalization*. — L.